

ПРАВОНАРУШЕНИЯ КОРРУПЦИОННОГО ХАРАКТЕРА КАК ОБЪЕКТ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

Ирина Сергеевна Назарова¹, Сергей Александрович Роганов²

^{1, 2} Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ irina-nazarova@inbox.ru

² Roganovs@mail.ru

Аннотация. Авторами выявляются нюансы правонарушений коррупционного характера; исследуются коррупционные аспекты преступлений и административных правонарушений, а также вопросы коррупционных и коррупциогенных дисциплинарных проступков. Представлено авторское видение в решении некоторых проблем, связанных с определением видом коррупционных правонарушений.

Ключевые слова: правонарушение, коррупция, коррупционное преступление, правонарушение коррупционного характера, дисциплинарные проступки коррупционного характера, коррупциогенное правонарушение

Для цитирования: Назарова И. С., Роганов С. А. Правонарушения коррупционного характера как объект профилактической деятельности: понятие и виды // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 2 (19). С. 16–23. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/06/003.pdf>. EDN: FJDGAD.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CORRUPTION OFFENSES AS AN OBJECT OF PREVENTIVE ACTIVITY: CONCEPT AND TYPES

Irina S. Nazarova¹, Sergei A. Roganov²

^{1, 2} Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia

¹ irina-nazarova@inbox.ru

² Roganovs@mail.ru

Abstract. The authors reveal the nuances of corruption offenses; corruption aspects of crimes and administrative offenses, as well as issues of corruption and corruptogenic disciplinary offenses are investigated. The author's vision is presented in solving some problems related to the definition of the type of corruption offenses.

Keywords: offense, corruption, corruption crime, offense of a corruption nature, disciplinary offenses of a corruption nature, corruption offense

For citation: Nazarova I. S., Roganov S.A. Corruption offenses as an object of preventive activity: concept and types. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii*. 2022;2(19): 16–23. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/06/003.pdf>. EDN: FJDGAD.

© Назарова И.С., Роганов С.А., 2022

Введение

Коррупционное правонарушение, как объект профилактической работы, требует

достаточно подробного исследования. Как справедливо отмечают С. Н. Братановский и М. Ф. Зеленов, легальное толкование терми-

на «коррупционное правонарушение» в законе отсутствует [3, с. 29], однако активно используется законодателем в тексте рамочного антикоррупционного закона.

Коррупция зачастую отождествляется с коррупционными преступлениями, а порой только с подкупом или взяточничеством. В первоначальной редакции Национального плана противодействия коррупции предусматривалось определение коррупционного правонарушения как отдельного проявления коррупции, влекущее дисциплинарную, административную, уголовную или иную ответственность [3, с. 30]. Незначительно отличается от приведенного определения коррупционного правонарушения и дефиниция, содержащаяся в Модельном законе «Основы законодательства об антикоррупционной политике»¹. В юридической литературе коррупционное правонарушение получило огромное число интерпретаций.

Основные положения

Из общей теории права известно, что категория правонарушения шире, нежели категория преступления. В этой связи коррупционные правонарушения не сводятся к перечню уголовно наказуемых деяний коррупционной направленности, хотя они, безусловно, характеризуются наибольшей степенью общественной опасности. Как ни странно, до настоящего момента перечень коррупционных преступлений законодательно не определен [4, с. 117], что, на наш взгляд, является существенным пробелом в нормативно-правовом регулировании противодействия коррупции в нашей стране.

Так, Генеральная прокуратура Российской Федерации и МВД России имеют свой перечень коррупционных преступлений, направленный на обеспечение единообразного подхода для форм федерального статистического наблюдения сведений о состоянии преступности в нашей стране. В свою очередь, Следственный комитет Российской Федерации предусмотрел собственный, отличный от перечня Генпрокуратуры и МВД России, перечень преступлений коррупционной направленности для ведомственного статистического наблюдения [4, с. 118].

Так, в соответствии с Указанием Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24 января 2020 г.² (Перечень № 23), к преступлениям коррупционной направленности

относятся преступления, предусмотренные ст. 141.1, 184, п. «б» ч. 3 ст. 188, ст. 200.5, 201.1, 204, 204.1, 204.2, п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1, ст. 289, 290, 291, 291.1, 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации³ (УК РФ). Помимо перечисленных, к числу коррупционных преступлений, в зависимости от конкретных условий совершения, могут быть отнесены и другие уголовно наказуемые деяния.

Обсуждение

В литературе отмечается, что подобная неопределенность перечня преступлений коррупционного толка породила у исследователей идею ее преодоления путем раскрытия понятия коррупционных преступлений в нормативном правовом акте, обладающем большей юридической силой, нежели совместное указание Генеральной прокуратуры и МВД России, а также путем определения исчерпывающего перечня коррупционных преступлений в УК РФ [4, с. 118].

С одной стороны, законодательно закрепить исчерпывающий перечень коррупционных преступлений не представляется возможным по той же причине, по какой невозможно раскрыть через этот перечень понятие коррупции: коррупция представляет собой сложное социально-правовое явление, находящееся в постоянном поиске новых путей и форм существования и проявления. Следует согласиться с авторами, указывающими, что «любые коррупционные проявления... являются потенциально противоправными», но «не все из них сегодня предусмотрительны в виде конкретных составов правонарушений», поэтому «с развитием правовой доктрины и практики круг коррупционных правонарушений, влекущих за собой различные меры ответственности, должен постоянно расширяться» [3, с. 38]. Таким образом, законодательное закрепление такого перечня повлекло бы постоянную его корректировку, которая и происходит ежегодно путем принятия совместного указания Генпрокуратуры и МВД России⁴.

С другой стороны, необходимо унифицировать данный перечень для нужд органов государственной власти и местного самоуправления. Считаю целесообразным возложить на Генеральную прокуратуру Российской Федерации обязанность по ежегодному уточнению подобного унифицированного перечня по образцу возложения на

¹ Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике» // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2004. № 33. С. 225–260.

² Указание Генпрокуратуры России от 24 января 2020 г. № 35/11, МВД России от 24 января 2020 г. № 1 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». – Документ опубликован не был.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

⁴ Так, ранее действовали одноименные указания Генпрокуратуры России от 12 июля 2019 г. № 487/11, МВД России от 12 июля 2019 г. № 1; Генпрокуратуры России от 25 декабря 2018 г. № 853/11, МВД России от 25 декабря 2018 г. № 5; Генпрокуратуры России от 27 декабря 2017 г. № 870/11, МВД России от 27 декабря 2017 г. № 1 и др.

Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации обязанности по оказанию консультативной и методической помощи в реализации требований федеральных законов, нормативных правовых актов Президента и Правительства Российской Федерации о противодействии коррупции федеральным государственным органам, государственным внебюджетным фондам, иным организациям, созданным на основании федеральных законов, путем издания методических рекомендаций и других инструктивно-методических материалов по данным вопросам⁵ (п. 25 Указа Президента Российской Федерации от 2 апреля 2013 г. № 309⁶ [6]).

При этом предложение о легальном разграничении и закреплении понятий коррупционного правонарушения и коррупционного преступления заслуживает внимания законодателя. В настоящий момент дефиниция коррупционного преступления, как совокупность его существенных признаков, содержится в ранее упомянутом Указании Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24 января 2020 г. К числу признаков коррупционных преступлений относятся:

- наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечаниях к ст. 201 УК РФ;

- связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;

- обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц);

- совершение преступления только с прямым умыслом.

Однако вышеназванный ведомственный нормативный правовой акт не называет такого важного признака коррупционного преступления, как уголовно-наказуемый размер взятки, который призван разграничивать уголовно-наказуемое деяние от адми-

нистративного проступка. Данный признак обязательно принимается во внимание в процессе квалификации правонарушений.

На наш взгляд, перечисленные признаки с некоторой оговоркой о связи корыстного мотива и с неимущественными благами могут быть положены в основу законодательного определения коррупционного преступления, которое можно сформулировать следующим образом: «коррупционное преступление – противоправное деяние, имеющее все перечисленные ниже признаки: надлежащий субъект уголовно наказуемого деяния, к которому относятся должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечаниях к ст. УК РФ; связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей; корыстный мотив субъекта преступления (деяние связано с получением им имущественных или неимущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц); прямой умысел»; уголовно-наказуемый размер взятки.

Перечень коррупционных правонарушений не сводится только к уголовно наказуемым деяниям. Как справедливо отмечается в научной литературе, организационно-правовой инструментацией антикоррупционной деятельности предусмотрен, в первую очередь, нормами административного права [4, с. 89]. При этом именно административно-правовые нормы направлены на недопущение перерастания коррупционного проступка в коррупционное преступление.

Следует возразить отдельным авторам, отмечающим, что законодательное выделение коррупционных административных правонарушений является особенностью российского антикоррупционного законодательства [3, с. 177]. Действительно, для международно-правовых актов характерно выделение исключительно уголовно наказуемых деяний коррупционной направленности. Тем не менее установление мер административной ответственности за коррупционные правонарушения характерно не только для нашей страны. Так, например, законодательство Республики Беларусь, Исламской Республики Иран [5, с. 51–53] и значительного числа других государств предполагает дифференциацию коррупционных правонарушений по степени их общественной опасности и вредности, создавая возможность для применения мер как

⁵ Письмо Минтруда России от 27 декабря 2019 г. № 18-2/10/В-11200 «Методические рекомендации по вопросам представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и заполнения соответствующей формы справки в 2020 году». – Документ опубликован не был.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. ст. 1670.

уголовной, так и других видов юридической ответственности.

Следует при этом обратить внимание на отсутствие в административно-правовой науке и отечественном законодательстве понятия «коррупционное административное правонарушение». В то же время упоминание коррупционных правонарушений в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях⁷ (КоАП РФ) встречается дважды: в диспозиции ст. 19.29 и ч. 1 ст. 4.5 [3, с. 180]. Устанавливая увеличенные сроки давности привлечения к административной ответственности за совершение коррупционных правонарушений, законодатель сознательно или несознательно не предлагает ни их легального определения, ни их исчерпывающего перечня.

В юридической науке отсутствует единый подход к пониманию коррупционного административного правонарушения, о чем свидетельствует и отсутствие его единого доктринального и легального наименования: «административное коррупционное правонарушение», «административные правонарушения коррупционного характера», «административные правонарушения коррупционной направленности» [4, с. 100].

Разрешая вопрос о возможном наименовании рассматриваемой категории противоправных деяний коррупционного толка, наиболее правильным и обоснованным представляется термин «коррупционное административное правонарушение». На наш взгляд, выражение «коррупционная направленность» указывает на некоррупционный характер деяния, т. е. способный перерасти в коррупционный, направленный в коррупционную сторону, но не коррупционный по причине отсутствия какого-либо необходимого признака. Выражение «коррупционный характер» представляется нам достаточно общим, родовым, применимым как к собственно коррупционным правонарушениям, так и коррупционным, потенциально коррупционным. В свою очередь, устойчивый юридический термин «административное правонарушение» обозначает конкретный вид противоправных деяний и должен употребляться без разрывающих его слов. В этой связи употребление прилагательного «коррупционный» перед наименованием вида противоправного деяния – «административное правонарушение» – подразумевает указание на определенную группу административных правонарушений, характеризующихся схожестью каких-либо признаков элементов состава административного правонарушения.

⁷ Собрание Законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). ст. 1.

тивного правонарушения.

Изучение результатов специальных исследований позволяет сделать вывод не только об отсутствии унифицированного перечня коррупционных административных правонарушений, но и теоретико-практической невозможности его формулирования. Скажем, Э. В. Талапина к коррупционным относит правонарушения, предусмотренные ст. 5.16, 5.39, 8.4, 9.5, 15.5, 15.14, 19.1, 19.9, 19.26 КоАП РФ [4, с. 180]. А. В. Кудашкин, в свою очередь, в числе коррупционных правонарушений называет деяния, предусмотренные ст. 5.16, 5.17, 5.18, 5.19, 5.20, 15.21, 19.28 КоАП РФ [3, с. 181]. А. В. Куракин, Д. Н. Колчманов и А. В. Марьян выделяют только одно коррупционное правонарушение – «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица» (ст. 19.28 КоАП РФ) [3, с. 182]. Перечень коррупционных административных правонарушений, размещенный на официальном сайте МВД России, включает правонарушения, предусмотренные ст. 5.16, 5.17, 5.20, 5.21, 5.39, 8.4, 9.5, 15.5, 15.14, 19.1, 19.9, 19.28, 19.29 КоАП РФ.

Не трудно заметить существенные различия в приведенных выше перечнях. В свете обозначенных противоречий нам представляется обоснованной позиция С. Н. Барановского и М. Ф. Зеленова, указывающих на необходимость концептуального разграничения понятий «коррупционное правонарушение» и «коррупциогенное правонарушение» [3, с. 182]. При этом собственно коррупционные правонарушения включают как безусловные коррупционные составы, в которых коррупционный мотив присутствует всегда, так и некие «условные» составы, которые могут быть отнесены к числу коррупционных при наличии определенных условий, среди которых, безусловно, присутствует коррупционный мотив [3, с. 183].

Поскольку к условно коррупционным может быть отнесено достаточно большое число административных правонарушений, нам представляется необоснованным предлагаемое отдельными авторами заимствование «прогрессивного» опыта отдельных государств-членов СНГ, в законодательстве которых составы административных правонарушений коррупционного характера систематизированы [4, с. 102].

К числу собственно коррупционных авторы относят правонарушения, предусмотренные ст. 5.16 КоАП РФ «Подкуп избирателей, участников референдума либо осуществление в период избирательной кампании, кампании референдума благотворительной деятельности с нарушением законодательства о выборах и референдумах»

и 19.28 КоАП РФ «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица». К числу условно коррупционных может быть отнесено большое число административных правонарушений в случае их совершения с коррупционным мотивом. В целом такая позиция выделения («чистых» и «условных») коррупционных составов вполне согласуется и с ранее упомянутой категоризацией уголовно наказуемых деяний, осуществляемой в настоящий момент Генеральной прокуратурой Российской Федерации.

Коррупциогенное правонарушение представляет собой такое нарушение, которое не является собственно коррупционным в виду отсутствия коррупционного мотива, но создает опасность его совершения. По мнению С. Н. Барановского и М. Ф. Зеленова, коррупциогенным является административное правонарушение, предусмотренное ст. 19.29 КоАП РФ «Незаконное привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ или оказанию услуг государственного или муниципального служащего, либо бывшего государственного или муниципального служащего» [3, с. 40].

На наш взгляд, концептуальное разграничение понятий «коррупционное правонарушение» и «коррупциогенное правонарушение» имеет огромное теоретико-прикладное значение, поскольку позволяет осуществить научную и законодательную дифференциацию не только коррупционных правонарушений по степени общественной опасности и тяжести наступивших последствий, но и расширить спектр подлежащих применению наказаний. Следует заметить, что необходимость такой дифференциации менее очевидна применительно к административным правонарушениям, но более ощутима применительно к дисциплинарным проступкам.

В этой связи мы не разделяем позицию С. Н. Барановского и М. Ф. Зеленова о возможности отнесения коррупциогенных правонарушений к числу собственно коррупционных. Коррупциогенные и коррупционные правонарушения являются однопорядковыми видами правонарушений коррупционного характера, которые являются родовым понятием, требующим законодательного закрепления. По большому счету, ныне действующая устоявшаяся легальная формулировка «нарушения законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции» является синонимичной предложенному нами термину: в соответствии со ст. 1 Федерального закона Российской Федерации «О противодействии коррупции» противодействие коррупции предполагает три клю-

чевых направления деятельности (профилактику, борьбу и минимизацию и (или) ликвидацию последствий коррупции) и широкий спектр соответствующих мер и мероприятий, невыполнение которых не всегда обладает коррупционным характером, но создает опасность совершения коррупционных актов, т. е. является коррупциогенным. Таким образом, понятия «коррупционное правонарушение» и «коррупциогенное правонарушение» являются видами нарушений законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции, синонимом которых является термин «правонарушения коррупционного характера».

Не претендуя на бесспорность, мы примем попытку сформулировать определение родового понятия «правонарушение коррупционного характера», под которым предлагаем понимать противоправное, виновное деяние физического лица для которого характерно:

во-первых, использование своего служебного (должностного) положения или дискреционных полномочий (прав) вопреки законным интересам граждан, организаций, общества и государства, действующим антикоррупционным стандартам поведения, установленному законом или договором порядку исполнения должностных (служебных, трудовых) обязанностей, в целях получения какой-либо выгоды⁸ имущественного или неимущественного характера для себя или третьих лиц, в том числе от имени или в интересах юридического лица, либо предоставление такой выгоды в обозначенных целях указанному лицу другими лицами;

во-вторых, создание им условий для такого использования.

Следующим видом нарушений законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции являются дисциплинарные проступки. На наш взгляд, именно на примере дисциплинарных проступков наиболее ярко прослеживается разница между собственно коррупционными и коррупциогенными нарушениями. Вместе с тем и само понятие дисциплинарного проступка требует уточнения в целях наиболее точного определения объекта профилактической деятельности, являющейся объектом настоящего исследования.

⁸ Вместе с тем, некоторые авторы выступают против использования термина «выгода», поскольку, по их мнению, оно обладает исключительно имущественным подтекстом. Во избежание подобной узкой трактовки мы используем уточнение об имущественном и неимущественном характере извлекаемой коррупционером выгоды. При этом мы считаем, что данный термин может быть безболезненно заменен в том числе на используемый в международно-правовых актах термин «преимущества» и т. п. (Братановский С.Н., Зеленов М.Ф. Указ. соч. С. 45).

В соответствии со ст. 57 Федерального закона «О государственной гражданской службе» под дисциплинарным проступком понимается неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданским служащим по его вине возложенных на него должностных обязанностей. Несмотря на то, что перечень дисциплинарных проступков коррупционного характера названным законом не определен, закон регламентирует меры дисциплинарной ответственности за такие проступки и специальный порядок их применения (ст. 59.1–59.3 Федерального закона).

Военное законодательство, в свою очередь, дисциплинарные проступки, предлагает формулировать остаточным способом. На это прямо указывает положение ч. 1 ст. 28.2 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»: «военнослужащий ... привлекается к дисциплинарной ответственности за дисциплинарный проступок, то есть за противоправное, виновное действие (бездействие), выражающееся в нарушении воинской дисциплины, которое в соответствии с законодательством Российской Федерации не влечет за собой уголовной или административной ответственности». В соответствии с ч. 4 ст. 17 Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», распространяющей свое действие и на военнослужащих и сотрудников Росгвардии, ответственность за несоблюдение запретов, предусмотренных названной статьей, устанавливается федеральными законами. Ни перечня дисциплинарных проступков коррупционного характера, ни специальных мер дисциплинарной ответственности названный Закон не содержит.

В научной литературе традиционно выделяются три вида дисциплинарных проступков коррупционного характера: несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции. Вместе с тем отдельными исследователями высказывается предположение, что установление антикоррупционных ограничений и запретов, связанных с прохождением государственной службы, является разновидностью ограничения права на равный доступ к государственной службе, закрепленного ч. 4 ст. 32 Конституции Российской Федерации. Разрешение данного вопроса имеет большое теоретико-прикладное значение, поскольку от него зависит включение или исключение нарушенных действующих антикоррупционных за-

претов и ограничений из числа дисциплинарных проступков коррупционного характера. Более того, включение такого рода нарушений в число дисциплинарных проступков предполагает дифференциацию и индивидуализацию мер дисциплинарной ответственности, т. е. делает возможность увольнения с военной службы альтернативой другим мерам дисциплинарной ответственности.

На фоне обозначенного концептуально-теоретического противоречия нам представляется уместной некоторая аналогия, связанная с конституционно-правовым регулированием избирательного процесса.

Статьей 7.1. Федерального закона «О противодействии коррупции» установлен запрет отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами. В соответствии с ч. 3 названной статьи несоблюдение запрета, установленного настоящей статьей, влечет досрочное прекращение полномочий, освобождение от замещаемой (занимаемой) должности или увольнение в связи с утратой доверия в соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами, определяющими правовой статус соответствующего лица.

Из приведенных выше дефиниций дисциплинарного проступка следует, что обязательным элементом субъективной стороны состава такого проступка является вина. Но в условиях длительности банковских процедур по закрытию счетов возможна такая ситуация, когда к моменту назначения или избрания на коррупционно опасную должность счет в иностранном банке не был закрыт, хотя гражданин добросовестно выполнил обязанность по его закрытию. В условиях очевидного отсутствия вины гражданина в незакрытии счета в иностранном банке, можно ли говорить о наличии в действиях гражданина состава коррупционного дисциплинарного проступка? Другим примером может служить наличие счета в банке государства, въезд на территорию которого военнослужащему запрещен (например, Украина). Может ли объективная невозможность закрытия названного счета являться основанием для освобождения от ответственности за допущенное нарушение? На наш взгляд, приведенные примеры достаточно ярко иллюстрируют цензовый характер запрета на пользование иностранными финансовыми инструментами и невозможность его отнесения к числу дисциплинар-

ных проступков.

Именно в качестве специфического антикоррупционного ценза запрет на пользование иностранными финансовыми инструментами воспринят избирательным законодательством [1, с. 121–124]. Так, в частности, несоблюдение кандидатом установленной п. 3.3. ст. 33 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»⁹ обязанности закрыть счета (вклады), прекратить хранение наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, и (или) осуществить отчуждение иностранных финансовых инструментов, влечет безусловный отказ в регистрации кандидата на основании подпункт «а.2)» п. 24 ст. 38 названного Закона.

Заключение

На основании изложенного, нам представляется уместным говорить о двух разновидностях дисциплинарных проступков коррупционного характера: несоблюдение требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции. Несоблюдение антикоррупционных запретов и ограничений мы считаем необходимым отнести к числу ограничений конституционного права граждан на равный доступ к государственной службе. В этой связи требуется серьезный пересмотр действующего федерального законодательства на предмет устранения существующих концептуально-правовых противоречий и жесткого нормативно-правового разграничения мер дисциплинарной ответственности от мер правового восстановления, связанных с устранением ситуаций, не совместимых с нормальным прохождением государственной службы [2, с. 145].

⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

В свою очередь, перечень мер дисциплинарной ответственности требует унификации для всей системы государственной службы и законодательного закрепления в тексте рамочного Закона, с целью обеспечения единства выбора вариантов таких мер за одни и те же нарушения коррупционного характера, применительно ко всей системе государственной службы Российской Федерации.

Не менее остро стоит вопрос о концептуально-теоретическом разграничении коррупционных и коррупциогенных дисциплинарных проступков. Такое разграничение необходимо для дифференциации видов дисциплинарных взысканий в зависимости от вида нарушения. Ключевым критерием в разграничении данных видов нарушений, на наш взгляд, является коррупционный мотив, который подлежит выяснению. В этой связи такое нарушение, как непринятие лицом мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, может являться как коррупционным, так и коррупциогенным нарушением. В обозначенном случае мотив государственного служащего подлежит обязательному выяснению: то ли им неверно истолковано понятие конфликта интересов, являющегося, к слову, оценочной категорией, то ли сознательно сокрыта информация о наличии у него личной заинтересованности с целью извлечения какой-либо выгоды.

Не претендуя на бесспорность, предпримем попытку сформулировать понятие дисциплинарного проступка коррупционного характера как виновного несоблюдения государственным служащим требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и (или) неисполнения обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции. Полагаем, что можно выделить два вида дисциплинарных проступков коррупционного характера: коррупционные и коррупциогенные дисциплинарные проступки, которые нуждаются в дополнительном научном исследовании.

Библиографический список

1. Арутюнян Т. И. Некоторые особенности организации работы по противодействию коррупции в войсках национальной гвардии России // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовой обзор. – 2019. – № 8 (265). – С. 221–224.
2. Арутюнян Т. И. Конституционно-правовая реституция в избирательном процессе: теоретико-правовые предпосылки институционализации самостоятельного вида конституционно-правового принуждения // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 7 (134). – С. 145–151.
3. Братановский С. Н., Зеленев М. Ф. Административно-правовые аспекты борьбы с коррупцией в системе исполнительной власти в Российской Федерации: монография. – М. : Проспект, 2018. – 361 с.
4. Законодательство в сфере противодействия коррупции: концептуальные основы и место в системе российского законодательства: научно-практическое пособие / Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило, А. М. Цирин. – М. : Инфотропик Медиа, 2020. – 210 с.

5. Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты и инициативы: монография : в 2 т. / Под общ. ред. Т. Я. Хабриевой, Р. А. Курбанова. – М. : Проспект, 2019. – Т. 2. – 459 с.

6. Указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2013 г. № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» (ред. от 08.11.2021) // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70350274/> (дата обращения: 16.03.2022).

References

1. Arutyunyan T. I. Some features of the organization of work to combat corruption in the troops of the National Guard of Russia. *Law in the Armed Forces – Military Legal Review*. 2019;8 (265): 221–224. (In Russ).

2. Arutyunyan T. I. Constitutional and legal restitution in the electoral process: theoretical and legal prerequisites for the institutionalization of an independent type of constitutional and legal coercion. *Eurasian legal journal*. 2019;7(134): 145–151. (In Russ).

3. Bratanovskij S. N., Zelenov M. F. *Administrativno-pravovye aspekty bor'by s korrupciej v sisteme ispolnitel'noj vlasti v Rossijskoj Federacii*. Moscow: Avenue; 2018. (In Russ).

4. Pashencev D. A., Zaloilo M. V., Cirin A. M. *Zakonodatel'stvo v sfere protivodejstviya korrupcii: konceptual'nye osnovy i mesto v sisteme rossijskogo zakonodatel'stva*. Moscow: Infotropic Media; 2020. (In Russ).

5. Khabrieva T. Ya., Kurbanov R. A. (eds.) *Pravovye osnovy protivodejstviya korrupcii: mezhdunarodnye i nacional'nye standarty i iniciativy*. Moscow: Prospekt; 2019. Vol. 2. (In Russ).

6. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii. *O protivodejstvii korrupcii*. Available from: <https://base.garant.ru/70350274/> [Accessed 16th March 2022]. (In Russ.).

Информация об авторе (авторах)

И. С. Назарова – кандидат юридических наук, доцент

С. А. Роганов – доктор юридических наук, профессор

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 30.03.2022; одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 23.06.2022.

Information about the author (authors)

I. S. Nazarova – Candidate of Sciences (Law), Docent

S. A. Roganov – Doctor of Sciences (Law), Professor

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 30.03.2022; approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 23.06.2022